

Сборник русских духовных СТИХОВ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С23

С23 Сборник русских духовных стихов / – М.: Книга по Требованию, 2013. –
252 с.

ISBN 978-5-518-09784-1

ISBN 978-5-518-09784-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Колядой и Авсенемъ; такъ точно сказочные мотивы, изъ животнаго, мифическаго и героическаго эпоса, смѣшались въ вѣныхъ прозаическихъ разсказахъ съ мотивами изъ Житія святыхъ, между-тѣмъ какъ пѣсни представили новую форму, известную подъ именемъ «духовныхъ стиховъ». Наши паломники, странствуя по святымъ мѣстамъ въ Греціи и Палестинѣ, встрѣчали тамъ старцевъ, которые пѣли передъ собравшейся толпой священные гимны и житія, и они-то, какъ надобно думать, первые внесли въ нашу жизнь такое же точно обыкновеніе. Такіе старцы и теперь еще въ Архангельской губерніи носятъ названіе «каликъ». Въ письменныхъ памятникахъ мы рѣдко встрѣтимъ это названіе: въ Лѣтописцѣ Переяславля-Суздальскаго, слово «калика» стоитъ вмѣсто имени «паломникъ», употребляемаго въ другихъ спискахъ Лѣтописи (въ Церковномъ Уставѣ в. кн. Владиміра-Святаго подъ 996 годомъ). Въ памятникахъ народной поэзіи, къ имени «калики» прибавляется эпитетъ «перехожаго», т.-е. странника, въ стилѣ богомольца, какъ напр. въ «Быльниѣ объ Алѣшѣ Поповичѣ». Слушая пѣнія такихъ «старцевъ-странниковъ», народъ одѣлялъ ихъ щедрой милостыней, какъ мы видимъ въ пѣснѣ у «Кирши», Данилова подъ заглавіемъ: «Сорокъ каликъ со каликою». Любимыми мотивами ихъ пѣсенъ были «Житіе Алексѣя, челоуѣка Божія», евангельская притча «О Лазарѣ убогомъ», «О страшномъ судѣ». Не веселы были эти образы; однообразны и тоскливы напѣвы; но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ

образъ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самого, оскобреннаго, забытаго богатымъ; себя, убитаго нуждой, съ единственнымъ убѣжищемъ—могилой. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ; ему всё грезилась огненная рѣка и страшныя муки, которыя будутъ за ней; всё грезилось мытарства и грозныя ангелы. Такіе образы, казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнію силы души и развить энергію въ народѣ; но когда онъ не находить въ нихъ ничего, кромѣ грозы и страха, горя и лишеній; когда ему такъ рѣдко слышится слово любви и примиренія, — духъ его падаетъ, наконецъ, подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ, томительныхъ призраковъ; народъ становится подавленнымъ, запуганнымъ, и робко клонитъ голову, не выступая на борьбу. И жизнь, и смерть—равно представляются ему чѣмъ-то враждебнымъ: въ жизни нѣтъ свѣтлыхъ радостей, а есть только отреченіе отъ міра, муки, да казни; смерть—холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому и друзей (см. Стихъ объ Анникѣ-воинѣ). Таковъ болѣею частію характеръ нашихъ духовныхъ стиховъ.

Названіе «духовныхъ стиховъ» и теперь еще слышится въ народѣ, особенно между слѣпыми старцами, которые поютъ ихъ. Содержаніе ихъ взято изъ св. Писанія, также изъ Житій святыхъ, изъ церковныхъ пѣсень или, наконецъ, изъ религіозныхъ преданій. Самыя давнія изъ нихъ и самыя любимыя народомъ,

приняли в теченіи времени тѣ или другія формы народнаго эпоса, усвоили себѣ извѣстные эпические приемы и, наконецъ, допустили въ свое содержаніе черты и образы языческаго міра,—таковы: «Голубинная книга», «Стихъ про Егорья храбраго», «О Ѳеодорѣ Тиронѣ», «Объ Аникѣ-воинѣ»; основаніемъ для нихъ послужили старинные апокрифы, которые весьма рано перешли въ нашу литературу изъ Византіи чрезъ посредство южныхъ Славянъ (см. статью пр. Пыпина «Древняя р. литература», 0. 3., Т. СХV, стр. 335 и сл.). Такъ въ «Стихъ о голубинной книгѣ» вошли мотивы, которые встрѣчаются намъ въ «Іерусалимскомъ свиткѣ» и въ «Бесѣдѣ трехъ святителей»; «Сонъ Богородицы» и «Стихъ о двѣнадцати пятницахъ» (не помѣщенный здѣсь нами), также ведутъ свое начало отъ прозаическихъ апокрифовъ съ этими названіями; содержаніе «Стиха о Ѳеодорѣ Тиронѣ» (тоже не помѣщеннаго здѣсь), взято изъ апокрифическаго житія, которое между прочимъ встрѣчается въ Сборникѣ XVI ст. въ Рум. музеумѣ № 436 (см. Оп. Востокова, стр. 696); такого же происхожденія «Стихъ о Егорѣ храбромѣ»; стихи, гдѣ говорится о мытарствахъ, очень близки по содержанію съ «Словомъ о мытарствахъ», изданнымъ Калайдовичемъ въ Пам. XII в. подъ пменемъ «Кирила Туровскаго» (ст. 92—104). Въ противоположность съ этими стихами, давно уже усвоенными народомъ, есть стихи, которые возникли въ эпоху, ближайшую къ намъ, и сохранили не только подробности разсказа, но и выраженія своихъ письменныхъ источниковъ: любопытный

фактъ представляетъ въ этомъ отношеніи «Стихъ объ Алексѣ Божіѣ человекѣ», поразительно сходный съ житіемъ, помѣщеннымъ въ Аналогіонѣ Арсенія Грека (М., 1660 г., стр. 5, 11, 19, 28, 29, 35); это сходство, столь рѣзкое по тексту стиха, изд. Кирѣевскимъ № VII, въ другихъ вариантахъ сглаживается болѣе или менѣе: такъ въ вариантѣ, записанномъ мною въ Казани, многія книжныя черты замѣнены чертами изъ народнаго быта, и славянизмовъ гораздо менѣе. Есть, наконецъ, такіе стихи, въ которыхъ мысль, взятая изъ книжной литературы, развивается на основаніи чисто-народныхъ убѣжденій: таковъ «Стихъ о грѣшной душѣ» («По морю, по синему, по Хвалынскому»), или «Стихъ о томъ, какого тяжкаго грѣха земля не можетъ простить».

Отъ этихъ стиховъ должно отлѣчать вирши религіознаго характера, которыя, возникнувъ подъ вліяніемъ польской литературы между XVI и XVIII в., не сохранили народнаго склада; онѣ съ перваго взгляда поражаютъ насъ своей тяжелой искусственностью; вѣншимъ признакомъ ихъ служитъ силлабическій размѣръ и рима, которая въ великорусской народной поэзіи встрѣчается только въ шуточныхъ или сатирическихъ пѣсняхъ, въ пословицахъ и въ немногихъ сказочныхъ оборотахъ, въ такъ-называемыхъ при-сказкахъ. Если вообще духовные стихи, сравнительно съ народными былинами и пѣснями, бѣдны поэтическими формами; то еще бѣднѣе въ этомъ отношеніи религіозныя вирши, которыя мы встрѣчаемъ въ ру-

кописныхъ сборникахъ конца XVIII и начала XVIII столѣтій. Таковы предложенія псалмовъ и молитвъ, духовныя пѣсни св. Димитрія Ростовскаго, стихотворенія переведенныя съ польскаго, «Стихъ Юсафа царевича» (Боже, Отче Всемогущій!..); «Стихъ преболѣзненнаго воспоминанія о озлобленіи католиковъ. (Взпрай съ прилежаніемъ, смертный человѣче...). Въ нихъ замѣтно преобладаніе церковно-славянскаго элемента въ языкѣ, и такъ-какъ составленіе ихъ принадлежитъ школѣ, особенно кіевской, то это вліяніе школы отразилось въ ихъ складѣ, пріемахъ и языкѣ.

Третій отдѣлъ духовныхъ стиховъ составляютъ раскольниковыя пѣсни, которыя возникли въ XVII ст., и потому въ складѣ ихъ мы также замѣтимъ признаки польскаго и церковно-славянскаго вліянія; впоследствии къ нимъ примкнули духовные стихи перваго отдѣла и, наконецъ, пѣсни и даже романсы. Здѣсь мы не найдемъ самостоятельнаго, ни даже строго-опредѣленнаго характера: первоначальные тексты духовныхъ стиховъ и народныхъ пѣсень болѣею частью искажены, иногда до безобразія; но тѣмъ не менѣе въ нихъ мы встрѣтимъ много фактовъ для изученія народной жизни. Когда въ XVII и XVIII ст. неурядица нашей іерархіи и общественной жизни выразилась рядомъ религіозныхъ волненій, которыя дали начало множеству расколовъ и сектъ; сектанты воспользовались формой духовныхъ стиховъ, чтобы въ ней выразить суровый, фанатическій взглядъ, и такимъ-образомъ явились стихи и богослужебныя пѣ-

сни людей божіихъ, остражняковъ, морельщяковъ, глухой нѣтовщины, и др. Такъ при основаніи каждой религіи жрецы прибѣгали къ стихотворной формѣ, чтобы рѣзче запечатлѣть въ памяти народа догматы новой вѣры и ея историческія преданія.

Говоря о религіозныхъ виршахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ Польши, мы должны будемъ обратить вниманіе на малороссійскіе стихи: черезъ Малороссію мы приняли нѣсколько польскихъ и лужицкихъ легендъ, которыя до-сихъ-поръ поются нашими старцами. Таковы «Стихъ о блудницѣ» (у Кир. 223 стр. № LI), «Евангельская пѣснь» (тамъ же № XII), «О трехъ древахъ», «О трехъ гробницахъ», «О жидлахъ» (тамъ же № XXXV—VI, VII. Ср. «Пяскія пѣсни», Зенькевича, стр. 232—38, также у Жеготы Паули въ «Пѣсняхъ польскихъ», стр. 37—74; «Лужицкія пѣсни» Гаупта и Смолера, т. II., стр. 152, № 199; тамъ же № 197.; т. I., № 290).

СТИХЪ О ГОЛУБИНОЙ КНИГѢ.

Восходила туча претемная,
Претемная и прегрозная;
Изъ-подъ той тучи темная
Выпадала книга голубиная.
Ко той книгѣ собиралися,
Собиралися, соѣзжался,
40 царей со царевичамъ,
И 40 князей со князевичамъ,
Ко тому ко царю ко премудрому,
Ко Давиду ко Иссеенчу.
Допросъ держитъ Володимерь князь,
Володимерь царь Володимеровичъ:
«Ой скажи ты намъ, Давидъ царь Евсевичъ,
Про бѣлый свѣтъ, про всея заповѣди:
Отъ чего зачинался бѣлый свѣтъ?
Отъ чего зачинались зори ясная?
Отъ чего зачинался младъ свѣтѣль мѣсяць?
Отъ чего зачинались звѣзды частыя?

Отъ чего зачинался нашъ буйнъ вѣтеръ?
Отъ чего зачинался нашъ дробень дождикъ?
Отъ чего зачинался народъ Божій?
Отвѣтъ держитъ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володимеровичъ ⁽¹⁾
А премудрый царь Давидъ Евсевичъ: (sic!)
«А скажу вамъ, братцы, всю правду я:
А въ рукахъ будетъ держать книгу—не выдержать,
По книгу ходить — всю не выводить,
А стрѣки Божіи не вычитаешь.»
Тутъ сама книга распечатывалась,
Сами листія раскладѣлись,
Слова Божіи читались.
«Я скажу вамъ, братцы, не по грамотѣ,
Не по грамотѣ, все по памяти.
Зачинался у насъ бѣлый свѣтъ
Отъ самого Христа Царя Небеснаго,
Солнце красное отъ лица Божія,
Зори ясныя отъ ризъ Божіихъ,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Божіихъ,
Буйнъ-вѣтеръ отъ вѣздоховъ,
Дробень дождикъ отъ слѣзъ Его,
Народъ Божій отъ Адамія.»
— Кой городъ—всѣмъ городамъ отецъ?
Коя церковь—всѣмъ церквамъ мать?

(1) Можетъ-быть нужно такъ: отвѣтъ держитъ Володимеру,
Володимеру князю Володимерычу.

Кое море — вѣсьмъ морямъ отецъ?
Коя рѣка — вѣсьмъ рѣкамъ мати?
Кой звѣрь — вѣсьмъ звѣрямъ отецъ?
Коя гора — вѣсьмъ горамъ мати?
Коя птица — вѣсьмъ птицамъ мати?
Кое древо — вѣсьмъ древамъ отецъ?
Коя трава — вѣсьмъ травамъ мати?
«Ерусалимъ городъ — городамъ отецъ».
«— Почему Ерусалимъ вѣсьмъ городамъ отецъ,
Потому Ерусалимъ вѣсьмъ городамъ отецъ,
Что *стоитъ онъ среди свѣта благо;*
Во томъ во градъ стоитъ церковь,
Стоитъ церковь да соборная;
Во той церкви во соборнойей
Стоитъ гробница бѣлокаменная;
Во той гробницѣ бѣлокаменной
Почиваютъ *мощи* самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго:
Потому эта церковь вѣсьмъ церквамъ мати.
— Окіанъ—море—вѣсьмъ морямъ отецъ:
Среди моря выходила церковь,
Выходила церковь—все соборная,
Со святымъ Климентомъ, папой Римскимъ.
— Иорданъ рѣка—вѣсьмъ рѣкамъ мати:
Крестился въ ней самъ Исусъ Христосъ
Со дванадцатью со Апостоли,
Да съ Іанномъ со Крестит елемъ.
— Китъ—рыба—вѣсьмъ рыбамъ отецъ:
Когда китъ—рыба восколѣбнется, —

Весь бѣлый свѣтъ восколышется.

— *Хварсѣ гора* ⁽¹⁾ — всѣмъ горамъ мати:

Преобразился на ней самъ Иисусъ Христосъ,

Со двѣдцатью со Апостолами

И съ Иоаномъ со Крестителемъ.

— *Золри-кондрикъ* ⁽²⁾ — всѣмъ звѣрямъ отецъ:

Живеть онъ во святой горѣ,

И дѣтей плодитъ во святой горѣ;

Когда кондрикъ-золри возыграется,

Всѣ святыя горы асколихаются.

— Коя птица всѣмъ птицамъ мати?

Аштраха-птица ⁽³⁾ — всѣмъ птицамъ мати:

Живеть она на синемъ морѣ,

И дѣтей плодитъ на синемъ морѣ,

Никакихъ блдѣ она не дѣлаеть.

Когда аштраха-птица вострепенется,

Все сине море восколышется.

— *Купаресѣ-древо* — всѣмъ древамъ отецъ:

На томъ дресѣ распинали жиды

Самого Христа, Царя Небеснаго.

Когда вели Христа на распятіе,

Шла Божія Матерь, слезно плакала,

Слѣзы рѣнула на сырѣ землю;

Отъ тѣхъ слѣзъ зараждалася плакунъ-трава;

Потому плакунъ-трава — всѣмъ травамъ мати.

А тутъ два юноша рубилися,

¹⁾ Хварсѣ-Фаворъ, малороссійскій выговоръ.

²⁾ У Куръевскаго-Индрикъ.

³⁾ У Кур. Стратамъ.